

18+

ТОВАРИЦ ЭХО

SPIEGELBILDER

Товарищ Эхо
Spiegelbilder

«Издательские решения»

Товарищ Эхо

Spiegelbilder / Товарищ Эхо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832807-7

Сборник зарисовок-настроений из уже несущественных indian summers 2010 —2012 гг. — времени изведенных ландшафтов и неисповедимых горизонтов, придающих пространству объем и длительность.

ISBN 978-5-44-832807-7

© Товарищ Эхо
© Издательские решения

Содержание

Spiegelbilder	6
[Alder Raga]	6
[Sovande Kvinnor Raga]	7
[Politiska dub]	8
[Сантьяго-де-Куба]	9
[Rökning Vulkaner Raga]	11
[Artikulation Raga]	13
[Uttåg Raga]	15
[Lustraga]	16
[Tick-Tock Raga]	17
[Грошик в копилке]	18
[Lunar pojke säger om Gud]	19
[En lugn eftermiddagste i fem minuter innan bomben]	20
[Kontrapunkt Raga]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Spiegelbilder Товарищ Эхо

Екатерина Гераскина *Фотограф*

© Товарищ Эхо, 2020

© Екатерина Гераскина, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4483-2807-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Spiegelbilder (2010 – 2012)

[Ålder Raga]

Деревья подобны утопленникам —
Пустые жесты голых ветвей
в небе над городом.

Этот дождь ослепляет меня:
Дома отступают во мрак,
по пути собирая пьяных шаги.

Так и стою:
неподвижная точка
тишины среди грома и гула.

Как ребенок,
заблудившийся в поезде,
Следующем прочь из детства.

[Sovande Kvinnor Raga]

я надеваю свой белый свитер с высоким горлом
и иду ловить зимних бабочек
город занесен снегом:
бредя по дороге я проваливаюсь по щиколотку
и оттого каждый шаг дается мне с превеликим трудом
но женщины поют колыбельные
колыбельные дорог и
колыбельные колес и
колыбельные хлыстов и
колыбельные каждой мельчайшей частички этого мира

ТОГДА:

я забываю о холоде
я забываю о боли
я забываю
О
каждой из твоих крохотных улыбок
я иду ловить зимних бабочек
по заснеженному пустому городу
крепко сжимаю свой сачок – в ладони
и каждую бессмыслицу
слепленную из колыбельных —
в связках

[Politiska dub]

Премьер министры рассуждают о политической активности
Плодоносных кустарников с южного берега Ганга —
Большие люди, надежно спрятанные за большими стенами,
Кирпичными и радужными настолько, что тысячи покойников,
Замурованных под их кирпичной кожей, не могут упокоиться,
Не могут успокоиться. По ночам они выходят на площадь
И танцуют вальсы, свои медленные мертвецкие вальсы.
Рваные, дерганые, будто пьяные, танцуют под звездами:
Мужчины и женщины. Чаще – мужчины. Неприглядные и лысые,
Пепельно-бескожие, надежно скрытые от глаз
Толстыми неприветливыми стенами. А пока они танцуют,
Пока премьер министры рассуждают о политической
Активности кустарников с теплых и влажных берегов Ганга,
По улице проносят короб, наполненный цветами,
И смыслами, и умолчаниями, и волосками, собранными
По коридорам и углам этого города, огромного и бессловесного.
Непостижимого, как...

[Сантьяго-де-Куба]

Я – маленький Иисус
в костюме кубинского партизана,
убитого в 1953-м, ровно за месяц до
окончания боевых действий у Сантьяго-де-Куба.
У меня есть брат, у меня есть сестра,
мать, отец, дед и бабка... они простили меня,
благословили меня, забыли меня,
на пустой площади. Когда-то. Должно быть, в прошлом.
Мне остались: берет и звезда,
башмаки (что не так уж и мало)
борода, сигара, винтовка...
кубинская, стреляющая холостыми,
и только в воздух, громкий и зимний, злой,
пересыпанный революцией и снегом.
Снегом чужой земли, снегом, похожим на пепел
снегом, похожим на смех, на собачий лай и песок
и на все забытые вещи разом.
конечно же, у меня есть тихая армия, спящая в коридоре,
перо птицы, гвоздь ржавый в заборе,
чад паровоза и железной дороги долгие мили,
дырявый карман и носок, и песок для часов, и секундная стрелка.
Паровой механизм приводит ее в движение по кругу...
И я должен идти за ней следом, но я ранен
в самое сердце. Пулей навывлет.
Я лежу на земле, и чужой снег засыпает мое лицо
и мое лицо засыпает в нем: сначала глаза, после – губы,
щеки потом, брови и нос. Медленное дыхание
отделяется и взлетает в небо,
высоко-высоко, к самым звездам, туда,
где души (им несть числа) воздушных шаров и
воздушных змеев
зажигают вечерние звезды.
И тогда приходишь ты. У тебя тысячи лиц,
и две тысячи рук, и две тысячи ног,
в слепящем мерцании звезд
твоя поступь легка и свободна.
я не сразу тебя узнаю
не то мертвыми, не то спящими своими глазами.
Не могу разобрать черт лица, язык, температуру
тела. Каждого твоего прикосновения. Только помню,
все еще помню, насколько
они были нежны. Твою спину помню,
обнаженную, плечи, лопатки, твои ладони,
прикрывшие голую грудь.
Не лицо...

[Rökning Vulkaner Raga]

Умеешь ли ты свистеть, Йохана?
Петь с закрытым ртом, шевелить ушами?
Можешь ли коснуться языком кончика носа?
Я собрал свои кастрюли и чайники,
Сложил их в большой пакет ИКЕА,
Погрызшей в транже и склоках
(ведь это так символично, Йохана, ты знаешь
хотя... кому какое дело?!
Когда я стоял у подножия Ватнайёкюдля
Все эти революции и поллюции и
Кастрюли с чайниками
Казались мне такими незначительными и
потешными и
не стоящими даже
упоминания ввиду своей бесцельности,
я жевал сэндвич, купленный в Bonus
И думал о том, что ничегошеньки не изменилось,
)? Ведь, правда

Я сложил их в большой и удобный пакет
ИКЕА, я спустился в метро и поехал
В сторону центра. Я думал обо всех
Мужчинах и женщинах,
Обычных и не то, чтобы очень
Обычных: о гомосексуалистах, лесбиянках,
Радикалах, анархистах, либералах, пацифистах,
Мондиалистах, монитаристах, глобалистах, антиглобалистах,
анти- и фа-шистах
И многих-многих других – сама видишь, какой у нас тут зоопарк,
Какой многоглазый и многоносый
Вертеп... и если бы дело было только в кастрюлях
И в чайниках.
И если бы дело было только в возможности пошуметь
Домашней утварью на городской площади,
Как некогда гремели посудой во Франции,
Еще до Робеспьера и коммуны, еще до
Начала самой истории,
Мы бы, возможно, сумели уладить все дразги
Парой-тройкой сервизов
Из благородного фарфора,
Тремя кофейными чашками
Искалеченным половником со свернутой ручкой.
И все разом стало бы правильным,
Стало бы белым и чистым и честным,
Но – не сейчас.

Не сейчас, не сегодня, не завтра.
И – никогда, всего скорее...

Но сыграю я Ленину рагу...
Рагу любви, рагу прощания
Рагу прощания и обещания
Невозвращения.
Рагу на старых кухонных кастрюлях
И чайнике бабушкином
Со свистком.

[Artikulation Raga]

Когда ты бесшумно рвешь полотно,
чтобы дать звезде
глоток воздуха когда ты
бесшумно шагаешь
под этим небом когда ты
шумное сердце свое
скрываешь в молчании вдохе
в пункте
в чернильном пятне
на рукаве на игле
на самом кончике
той иголки
забытой на полке
которой заведуют ангелы
которые святы столики
сокрыты
укромно в атаке звука
в змеином шепоте
с-с-с заката
где где яблоня где *Ева*
чрево твое
червоточина сердца
змеиного яда *источник*
и небо – ночник
к письменному все клониться
словуслугостолу
о котором *у Бога*
за пазухой ни гу-гу
потому как я-ночь и я-брат
я- я- сестра и Я
шведское *смотрим порно*
сопим советские марши
и нельзя угадать
намерений наших пальцев
и заняты руки заперты рты
воздухом затхлым жарким
бессмысленным «Ты»
с головы
больной на здоровую
мигренью списанной
из соседской тетрадки:
Мне некуда было идти
под полночны полуденны
денным под небом
я нашел этот камень лежащий

*и сидя на нем
глазел в потолок пока не утратил
способности естьпить говорить
петь видеть
дышать
знать
красные птицы садились на ветви мои
и олени склоняли к корням
своих крон узоры.*

[Uttåg Raga]

Моя тихая-тихая армия
отступает в сторону солнца
не замеченная сильными мира сего
капитулирует перед знаменами
каждого твоего
слова
произнесенного невзначай
Моя тихая-тихая армия
исчезает за горизонтом
нервная аритмия
дыхания
тонкая линия пота
голоса каждого нового
призрака-партизана
невывымышленной войны
смешанного с ветром
оглушительным и неподъемным
как страх высоты
пустоты
в сердце в комнате в доме
в мире вокруг
оставшейся после
после-
днего шага
по ту сторону
края
земли

[Lustraga]

Открой книгу праведников и книгу лжей,
Оставь пару строк для послания коринфянам,
Для их мужей,
Жен, с ладонями теплыми и нежными,
Как руки матери,
С губами опытными, как любовниц губы,
Для крохотных человекоподобных
Собачек, для убийц и копыеносцев, для вшей
В волосах челяди и знати,
Для меня – пару строк в промежутке
Между
Точкой
и
всеми, кто
Любы.

[Tick-Tock Raga]

Твои шведские ходики.
Сломанные.
С вечно спешащей секундной стрелкой,
и молчаливо застывшей – часовой;
часы, по которым только и можно было сказать,
что время, пусть неопределенно, но существует.
Вот оно: тощей дробью последовательно вычеркивает
Мгновения чьей-то безымянной жизни.
По вечерам я смотрел на твои расторопные шведские ходики,
Пил скверно заваренный чай,
Гремел ржавыми ключами, давным-давно потерявшими
Свою замочную скважину.
После – шел к вулкану.
Знаешь, если встать спиной к кратеру, лицом на север,
Так, чтобы заходящее солнце едва касалось
Своими теплыми лучами мочки левого уха,
Можно увидеть семейство китов, там, в океане,
У самого горизонта – мелкий пунктир, китобойные суда, —
Можно услышать их медленные песни,
Нарисовать грозовую
Тучу.
Заблудиться.

[Грошик в копилке]

Красный матрос с белым лицом безусого мальчика,
Так трогательно обмиравшего при первом же звуке Вашего имени,
Произнесенного шепотом настойчивым и пьяным прямиком
в губы,
Когда угадать невозможно, чем была эта милая детская ласка:
Прочтением паспорта или же поцелуем
Трепетным-девичьим-жадным и вовсе уж не невинным.
Красный матрос с белым лицом безусого мальчика,
С красным цветком на груди лепестками обнявшим отважное
сердце,
Тревожное сердце, схоронившее в себе грозу, усталость
громоздкую
От велеречивой вселенской тоски, от сладострастия юных,
От невозможности прикосновения к целомудренной и нежной,
В великие дни октября в палую листву уснувший.

А грошик все звенел-звенел в свинье-копилке,
Когда ты бежала, Алиса, когда ты смеялась.

[Lunar pojke säger om Gud]

И вся твоя боль
И вся твоя соль
И все твои бумажные
самолетики
оставленные за шкафом
И все твои языки и губы и
прикосновения все твои
И водяные лошадки
И детские тетрадки
Незапамятные беды
Четверги, среды
И все-все твои
Ангелы боги и
Дьяволята
Крошечные мышата
В такой тесной клетке
И листик осенний на ветке
И медвежонок потешный, и меткий
Выстрел меткий
Выстрел
меткий
=====
Когда ты лежал и смотрел в небо
Оно было синее-синее

[En lugn eftermiddagste i fem minuter innan bomben]

То ли змееныши в ямках ярятся
То ли христосы лютуют в чаду преисподних
Мы копаемся в нашем исподнем
В поисках самого сочного мяса.
Ногами гибкими объяли мое лунное тело тираны
Тихонькие смычками тренькают кормчие,
Их лодки качаются в волнах гостеприимного дома
У недостижимого берега жизни. Гончие
Ветра гонят сор из избы
Суставы свои узловатые выставив в стороны
Горло склизкое давится стонами
<<Глаза черноземом залепить бы>>

.....
*Босоноги, простоволосы
Друг за дружкой стоят родственники
Жаждают свободы, равенства, демократий
Ветовками листовными своими потрясают
В землю корнями врастают
Но не могут все успокоиться;
По земле шагает ветер,
Косолапыми ступнями неверными,
Зарывается пальцами в дерн и в пепел.
Порывисты присвисты его резкие, стылые...
Я туловком тоненьким застылый
Подле многообразия твоего, природа, подле
Твоей лютой и незлобливой каждодневности
Стою такой человечный и нелепые замыслы строю
И заплаты замыслов на алтарь недомыслия кладу.*

.....

[Kontrapunkt Raga]

Клоун белый и девочка-акробатка
Безработные, без пяти минут жи_вые
Прогуливались с выводком чужих собачаток
Обряженных в вериги, в пальтишки. Пили,
Из обожженных кувшинов, пели песни... точнее,
Пела девочка, клоун подыгрывал на бандеоне.
Незаметное глазу в тень домов отступало время

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.